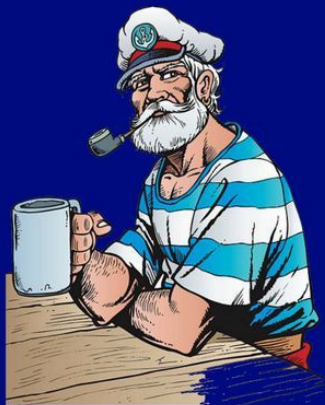

18+

Николай Виноградов

*Эх, жизнь
моя моряцкая*

Сборник морских рассказов

Николай Николаевич Виноградов

Эх, жизнь моя моряцкая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070109

ISBN 9785005698247

Аннотация

Моряцкие байки – небольшие рассказы о морских приключениях и забавных случаях, о жестоких штормах и ностальгии по родным и близким людям. Байки тем и хороши, что в них можно слегка приврать, немного приукрасить действительность, пошутить, посмеяться над самим собой, что делает этот жанр более интересным, но не искажает правды о жизни и быте простых тружеников моря. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Эх, жизнь моя моряцкая	5
2. Ностальгия	21
3. Рубить концы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эх, жизнь моя моряцкая

**Николай Николаевич
Виноградов**

© Николай Николаевич Виноградов, 2022

ISBN 978-5-0056-9824-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Эх, жизнь моя моряцкая

Да-а, было времечко!.. Молодым был, здоровым, как лось. Организм быстро адаптировался к любому климату, перепады температур от минус пятьдесят до плюс пятьдесят (фифти-фифти) были даже в радость. Кроме одного случая...

Около месяца выгружались мы на Мысе Шмидта своими силами. Была уже середина осени, ледовая обстановка стала быстро осложняться, и это был наш последний рейс в полярку по доставке продовольственных товаров, предназначенных жителям Чукотки для их благополучной зимовки. Наш пароход пошёл в порт погрузки Вишакхапотнам, что на восточном побережье Индии.

Мы все, конечно, обрадовались. Надоела уже эта холодрыга, хоть пузо на югах погреть. К тому же мимо Гонконга или Сингапура мимо не пройдёшь, всё равно пресной водой где-то заправляться придётся. А там всегда очень выгодно валюту отоваривать – всё намного дешевле, чем в других странах. Накупаешь всякого шмотья, что в Союзе в дефиците – и фарцонуть можно.

Казалось бы, зачем ещё прифарцовывать, если и без того не хило выходило? Так ведь жадность человеческая. Как в народе-то говорят – денег много не бывает. А ты сходи, поплавай по шесть, а то и более месяцев без захода в Союз. Многим никаких денег не надо, свои последние отдадут,

лишь бы всегда с семьёй быть, а не болтаться щепкой в океанах, кидая смыки во время штормов.

Надо сказать, что проверка здоровья моряков в торговом флоте проводилась тогда достаточно часто, весьма тщательно и серьёзно. Не как у космонавтов, конечно, но какие-либо язвенники и трезвенники в это сито не пролезали. Вёлся строгий искусственно-естественный отбор, и судовой медик на торговом судне являлся практически пассажиром — лечить некого. Бездельник, в обязанности которого вменялось ещё и снятие пробы с варева, парева, жарева... -короче, с жорева, приготовленного коком для экипажа. (Ну, бездельник, это я шибко грубо выразился. Без доктора на судне, конечно, не обойтись. Мало ли какие несчастные случаи могут произойти — травмы, например. Хоть и редко, но случаются. Это ж я так, утрирую. Не приврёшь, говорят, и рассказа не получится). Надегустировавшись по своей профессиональной обязанности всех блюд, Док обычно приходил в кают-компанию уже чисто для символики, чтобы только поприсутствовать и пожелать всем приятного аппетита. Ещё следил за санитарией, травил-ловил крыс и тараканов, которых, чем больше он ловил-травил, тем больше их появлялось. Проработав несколько лет в таких суровых по трудоёмкости условиях, Док уже так успевал дисквалифицироваться, (как казалось мне, наблюдая за ним со своей высокой колокольни), что даже в очень редких случаях появления на борту пациента, например, с повышенной температурой, он да-

вал ему единственные таблетки, название которых ещё остались у него в памяти. Держал их наготове от всех недугов и назывались аспирин. И что интересно, больные сразу как-то вылечивались и больше никогда не жаловались на своё здоровье доброму Айболиту.

Лекарем у нас была фельдшерица, Федосья Марковна, которую все звали просто Фёкла. Это была женщина лет сорока с небольшим, полная, невысокого роста. Колобок, одним словом. Самое важное, что сразу бросалось в глаза при взгляде на неё спереди, был большой живот. Можно было даже подумать, что Фёкла каким-то образом остановила свою сорока недельную беременность на всю оставшуюся жизнь. (Да простят меня все знойные женщины – мечты поэтов за такой не совсем справедливый шарж. Уж больно я был обижен именно на эту самую Фёклу). А при взгляде сзади, кроме самого широкообъёмного зада, очень похожего на две огромные круглые подушки, сначала вообще ничего нельзя было заметить. У любого, кто видел её с кормы впервые, сразу выпячивались глаза, и самопроизвольно изо рта издавался протяжный звук, напоминающий что-то среднее между буквой Ё и Ю. Только через некоторое время уже можно было ещё заметить две коротких ноги, выросших оттуда, и носящих на себе всю тяжесть как самого зада, так и живота. Все остальные части тела занимали не более пятнадцати процентов от общей массы и не особо привлекали внимания.

И что самое главное, для Фёклы на судне нашёлся-та-

ки добровольный любовник в лице помполита – помощника капитана по политической части. Должность, открыто надо сказать, ни с какого боку-припёку к морю даже близко не относящаяся.

Если Фёкла была дармоедом женского, то Филипп Арсеньевич (подпольные клички: «Помпа», «Филиппок», «Плешь», «Пузо», «Ромео») – соответственно мужского. Обладатель ленинской плеши имел к Фёкле некоторые отношения, которые они оба уже практически и не скрывали. Как выдал во всеуслышание однажды свой знаменитый перл бывший самый главный шпион ЦРУ о секретах между США и СССР: «Мы знаем, что они знают, что мы знаем», Ромео с Фёклой тоже знали, что весь экипаж знает, но делали вид, что не знают. Мы знали, что они знают, что мы давным давно знаем, но тоже делали вид, что ничего не знаем. Когда никто ничего не знает, всем как-то крепче спится. Для всех нас от этих взаимоотношений двух животястых дармоедов была очень большая выгода. Филиппок – Помпа был очень большой шишкой на судне, и от этого коммунаги до мозга костей любому и каждому легко можно было поиметь огромную кучу неприятностей. Вплоть до закрытия визы на заграничные плавания даже из-за самого пустяшного (в кавычках) нарушения дисциплины, как например, групповая пьянка в чьей-нибудь каюте с игрой в карты, или притаскивания с берега во время стоянки в порту в свою каюту женщины, совсем не являющуюся даже очень дальней родственницей для хозяина

самой каюты. А так как два дармоеда своими отношениями тоже уже замарали гордое имя моряков Советского флота, то главная партийная Плешь на нашем судне на всякие замарания остальных членов команды смотрела уже сквозь пальцы, а то и вовсе закрывала на них свои коммунистические глазоньки.

Экипаж был дружный, ребята все компанейские. Никто никому никогда не отказывал в просьбе, но все были разбиты на ещё более спитые тесные маленькие компании. Мы больше дружили вчетвером.

Старпом Валера имел кликуху Ковёр за то, что всегда отоваривал свою валюту только в Японии, тратя её исключительно на покупку ковров, которые потом выгодно сбывал в своей родной Сызрани. Молодой мужик, лет на десять постарше меня, дважды уже имел счастье жениться на сызрянках и столькожды с ними развестись, не прожив ни с одной из-них и пары лет. Первая по приезду его домой в очередной отпуск спела ему свою любимую песню из кинофильма Человек-амфибия – «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...», подарив Ковру вместе с песней и первые рога. Вторые у него выросли с песней «Море зовёт» в исполнении второй жены, которой он выплачивал алименты за дочь.

Второй штурман, по прозвищу Климакс (Какую ещё более простую кликуху придумаешь, если его звали Клим Аксенович?). Он был старше меня всего на три года и имел тогда только одни рога, которые привез из Кустаная, где после

развода не бывал уже четыре года. Родители у него неожиданно-негаданно умерли один за другим, когда он швырял окурки в Тихий океан и даже не смог прибыть на их похороны. Кроме двоюродной сестры у него там больше никого не осталось, но после нынешнего рейса он уходил в отпуск, во время которого планировал рискнуть получить вторые панты. Его невеста во Владивостоке уже считала часы до дня долгожданной свадьбы.

Третьим из нашей четверки мушкетеров был мой шеф, начальник радиостанции, Фатих Бурамбаевич по кликухе Чуваш, родом из Чебоксар. Мы были с ним самыми закадычными, всё было общее, кроме документов и женщин, не считая мелочи. Оба не торопились официально стать сохатыми, хотя Чувашу давно было пора рискнуть, так как он на два года уже перешагнул за возраст Христа. На ключе он работал, мягко говоря, не ахти. Таких радистов обычно называли ковырялками. Он всегда сильно потел, высунув язык во время связи. В общем, как говорится, не дано. Я бы, наверное, коленкой быстрее и чище отстукал радиограмму на любом ключе. Но он был хорош, как специалист по радионавигационным приборам, чем я похвастаться тогда не мог. По работе мы взаимно компенсировали друг друга.

По пути следования наш теплоход должен был зайти на двое суток в свой родной порт Владивосток для погрузки угля, предназначенного для выгрузки в японском порту Фукуока, а потом уже порожняком шлёпать в Индию.

За пару суток до подхода к Владиву у меня вдруг непонятно отчего заболел коренной зуб на нижней челюсти. Друзья, заходя ко мне на вахту для пообщаться, наблюдая мои муки, давали свои проверенные советы.

– Это у тебя из-за акклиматизации. После севера в тепло попал, вот и заныло маленько, – высказал свое мнение Ковёр, – у меня сто раз такое было.

– Какое маленько? – шепелявил я в ответ сквозь зубы. – Каждая точка и тире прямо по нерву бьёт, спасу нет.

– А ты лимонные корки вокруг него распихай. Я так делал, помогало, – советовал Климакс, с которым мы одновременно несли свои вахты, заглянув ко мне в радиорубку с мостика на пару минут.

– Ну вы тут насоветуете, знахари. Не слушай их. Какой лимон? Это же кислота. Наоборот, ещё сильнее нерв раздражится. Его заморозить надо, я думаю. Хочешь, я сейчас принесу из холодильника ледышек? – предложил Чуваш.

– А-а, мне уже всё равно. Тащите всё подряд, экспериментировать будем. Не к Фёкле же за аспирином идти, – отреагировал я на все их предложения.

Но, что удивительно, намазав горчицей десну, напихав в рот возле больного зуба лимона, чеснока и ледышек из морозилки, через двадцать минут зуб прекратил болеть. От радости я готов был хоть в пляс.

– Друганы, никогда вам этого не забуду. Всё, по приходу идём в кабак, я угощаю.

Ну, Климакса, понятное дело, невеста с нами не отпустила, но мы и втроем неплохо погуляли. Даже тёлок сняли и ночевали прямо всеми тремя парами в апартаментах двухкомнатной квартиры, хозяйкой которой была дама Ковра. Старпом с шефом ещё оставались на хате, когда утром я побегал проходить очередную медкомиссию, срок которой у меня уже кончился два месяца назад.

Обходя с бегунком всяких врачей в нашей поликлинике, наполучав в заднее место достаточное количество уколов в виде различных тропических прививок, я встретил одного моториста с нашего парохода, Витальку, по прозвищу Тетеря.

– Тебе сколько уже навтыкали? Четыре? А мне ещё только два. Последний такой болючий, гадство – правая жопина вся отнялось. А тебе ещё много врачей проходить?

– Только зубного осталось. Чё-то боюсь я в этот последний кабинет заходить, у меня недавно зуб болел из-за смены климата. Найдут кариес какой-нибудь, заставят лечить, а это дня на два минимум. С мышьяком ходить придётся, потом сверлить да иголки всякие втыкать будут – пароход уйдёт. Меня ведь ждать не станут, другого радиста возьмут. У тебя как с зубами?

– Зубного я прошел нормально, а я боюсь, меня ушник завалит. Они там шепчут чего-то, а я не слышу, оглох совсем в этом машинном отделении. Слушай, нас с тобой прямо судьба вместе свела. Давай я за тебя зубы пройду, а ты

за меня уши. Мы с тобой даже мордами здорово похожи.

Преступная операция прошла удачно, врачи даже в медицинские книжки не заглядывали, чтобы сличить наши фотоморды с подлинниками. Вечером следующего дня мы отходили на Японию.

Уже в Юго-Восточной Азии, в Малаккском проливе, по пути в Индию нам разрешили зайти в порт Сингапур для пополнения запаса продовольствия и забора питьевой воды, а также снятия льяльных и фекальных вод. К причалу нас поставили только на несколько часов, а затем судно должно было отойти на внешний рейд. Все свободные от вахт и работ могли сойти на берег до шести вечера по местному времени, но возвращаться на борт нужно было уже рейдовым катером.

Город-государство Сингапур по своему географическому расположению находится на самом перепутье морских дорог. Все суда, идущие с запада на восток и наоборот, проходящие мимо, пополняют здесь свои запасы. С середины двадцатого века бывшая колония Великобритании, Сингапур, стремительно превратился в крупнейший мегаполис мира сплошь застроенный небоскребами. Как крупнейшая мировая перевалочная база, этот порт стал самым любимым местом для наших моряков, так как именно здесь можно было очень выгодно отоваривать свою валюту.

Парча, кримплен, трикотин, крепдешин, джинса (джинсовая ткань) – стоили сущие копейки. Мода на такие ткани в странах гнивающего капитализма давно прошла, а у нас

ещё только начиналась, и стоила вся эта тряпча до неприличия дорого. Знаменитый в Сингапуре Малайбазар был настоящим раем для моряков-фарцовщиков.

Нам выдали валюту. В Сингапуре я уже бывал несколько раз и знал, что наш рубль – это, примерно, три местных доллара. Никто не сомневался, что нам разрешат сюда зайти и на обратном пути из Индии. Поэтому тем, кто уже вдоволь наглазился на этот город-базар, где специальных магазинов для русских было больше десятка, и все они носили названия русских портовых городов, как например, Владивосток, Находка, Ленинград, Одесса и других, было даже лень стаптывать пятки, блондя по этим магазинам, экономя валюту на последний заход.

Никто из друзей в город идти не захотел. Чуть ли не силой они выпроводили меня, как самого младшего, гонцом за пивом в банках.

– Давай, давай, мы уже по сто раз здесь бывали, а ты только три. Пивка выпьешь, ноги разомнёшь – полезно.

За границей в увольнение всегда положено выходить группами, не менее трёх человек. Помпа назначил меня старшим в нашей группе, в которую входили ещё Тетеря и самая большая радость – Фёкла. До Малайбазара от причала было не менее трёх километров, поэтому на выходе из порта Тетеря поймал тачку. Я уже прыгнул на заднее сидение, как Фёкла начала качать права.

– Мальчики, вы что, такие богатые? Я на такси не поеду,

прогуляться хочу.

Стало сразу ясно, кто в нашей группе старший. Пришлось отпустить такси и шлёпать пешкодралом по такой несусветной жаре в ста с небольшим километрах от экватора. Фёкла напялила на себя какое-то старомодное цветастое платье, на ногах – белые туфли на каблуке. Выглядела она, как фура с прицепом, еле-еле передвигающаяся между нами – двумя фонарными столбами.

К Малайбазару добрались только ближе к обеду. По лицу Фёклы тёк пот в три ручья, и она уже замучилась отжимать свой носовой платок. За два часа мы не успели пройти даже двадцатой части пути по базару. Фёкла останавливалась у каждого лотка, пересчитывала своими толстыми короткими пальцами каждую шмотку, торговалась с китайцами до цента. Мы с Тетерей выполняли миссию грузчиков и охранников одновременно, как две рабочие пчёлки, оберегающие пчеломатку. У нас уже не хватало рук, чтобы держать её пакеты, коробки и свертки. Похоже, она решила истратить всю свою валюту, что накопила, депонируя за полгода. Мы уже отчаялись её оттаскивать от этих лотков и терпеливо ждали, когда у неё наконец кончатся деньги. У одного лотка она перемерила больше десятка халатов, но на её стройную фигуру подобрать что-либо было невозможно. Торговка-китайка предложила тут же на месте что-то подшить, где-то распушить, и когда эскулапша померила последний халат, осталась довольной.

– Ну как мне, мальчишки? Нормально, правда?

И дёрнуло же Тетерю за язык высказать свое мнение в самый неподходящий момент, когда можно было просто поддакнуть.

– Так-то хорошо, вроде, только он вас слишком полнит, мне кажется.

Переварив эту ценную информацию, Фёкла скомкала халат и бросила в руки торговки. Та вдруг взбесилась, стала что-то орать по-своему, доказывая, что, она, мол, столько времени угробила, всё подгоняла, подшивала, всю лавку сто раз перешвыряла, а ты, мол, такая неблагодарная.

– Руська жопа! – крикнула в гнев торговка и – хрясь Фёкле пощечину по толстой роже. У нас с Тетерей от такой неожиданности даже все коробки из рук попадали. Пока мы их собирали, наша соотечественница, задыхаясь от возмущения, заорала, как недорезанная свинья.

– Ах, граждане, русских бьют! Чё шуришься тут, китаёз-за неумытая, – и так толкнула торговку руками, приложив всю свою массу, что та перелетела через лоток, снеся с него всю кучу шмоток. Тут из-за шторы сразу возникли два китайских дуба, внешне похожих на японских сумоистов, весом на прикид под два центнера каждый. Фёкла хотела было и им задать трёпки, но мы смогли удержать её от такого героического поступка. Кулак у каждого из этих дубов был размером с наши головы.

– Давайте лучше вежливо уйдем отсюда, Федосья Марков-

на. Зачем нагнетать международную обстановку?

Выбежав на улицу, мы сложили в большую кучу все Фёклины шмотки и закурили.

– Ну, вы покурите пока, а я пойду ещё прошвырнусь маленько. Я быстренько, здесь рядом, – на потной щеке у неё красовался багровый след пятерни. Мы молча кивнули в знак согласия.

– Фёкла, она и в Сингапуре Фёкла, – сделал философский вывод Тетеря, – Да-а, попили мы с тобой пивка...

Тут к нам подошел молодой китаец с двумя худющими, молодыми тайками, которые чего-то изображали из себя, пытаясь строить глазки и улыбаться. Сутенёр с проститутками, оказалось. Пока мы на пальцах объясняли аборигену, что, мол, нельзя нам, мы из коммунистической страны, да и товар у тебя, мол, с душком, подошла наша пчеломатка. У этого китайского сутенёра, когда Фёкла повернулась к нему кормой, из гортани вырвался звук, непохожий ни на одну гласную букву уже китайского алфавита. Что-то среднее, между Э и Ю, после чего местные аборигены быстренько ретировались.

На пароход мы прибыли самыми последними. Естественно, без пива.

Из Вишакхапотнама, где нас загрузили во все трюмы какими-то костями, которые прели на жаре и воняли, как на скотобойне, хоть нос зажимай, мы двинулись в Японию в порт Осака. На второй день хода, ночью, попали в прилич-

ный шторм, а у меня, как назло, снова разболелся тот предательский зуб. Сначала просто ныл, отзываясь в мозг тупой болью, потом всё чаще из него стали простреливаться импульсы, словно током в мозг пробивало. К середине вахты пришлось пристегнуться к креслу, чтобы не улететь и не ботнуться о переборку из-за сильной качки. И так-то все нутро выворачивало, да ещё и этот зуб, как с ума сошел. К концу вахты я уже ничего соображать не мог, зуб болел так, что хоть на стенку бросайся. У Климакса в каюте нашлось полбутылки водки, которой я стал полоскать рот, стараясь сдержаться, чтоб не проглотить. Опустошив бутылку себе внутрь, выждав полчаса на процесс рассасывания обезболивающего и убедившись в абсолютной неэффективности этого мероприятия, мы все вчетвером стали думать, что же делать дальше. Мазание десён горчицей, обкладывание больного зуба чесноком, лимонными корками и прочее в этот раз почему-то не помогало.

– Чё, и водка не помогает? – удивился Ковёр. – Да-а, тяжелый случай. Иди к Фёкле, чего ещё остается? Может, она сжалится, даст что-нибудь болеутоляющее?

К завтраку шторм почти утих. В девять утра я уже не выдержал, побежал к Фёкле.

Она открыла дверь каюты на маленькую щёлку.

– Чего тебе?

– Федосья Марковна, не будет ли у вас случайно какой-нибудь болеутоляющей таблетки? Зуб что-то заболел, спасу нет

никакого.

– Только аспирин. Надо?

– А больше ничего? Тогда не надо, спасибо.

Когда дверь захлопнулась, из её каюты слышался голос Ромео-Плешнера.

– Кто это к тебе?

– Да радист, придурок. зуб у него, видишь ли, заболел. Понабирали рахитов...

– ... Ну, чё? Дала?

– А-а, пошла она... Не вовремя сунулся, у неё Плешь в гостях засел. Вот, плоскогубцы у токаря взял. Продезинфицировать бы чем, в масле все.

– Чё, без наркоза будешь? У меня бутылка Сакэ-Этиго есть, в прошлый рейс в Токио брал, сорок шесть оборотов. Могу дать, только в Осаке купишь мне такую же, – предложил старпом.

– Давай, тащи...

Рвали сообща. Сначала, как самый сильный, дёргал Ковёр, но у него с первого раза не получилось, обломал только. Я взвыл, как раненый слон.

– Ты чё делаешь? Костолом! Под самый корень надо было захватывать.

– Ну дак я так и захватил. Извини, у меня что-то руки трясутся.

Я уже сидел почти пьяный, но после первой неудачной попытки пришлось выпить ещё стакан Этиго, на всякий слу-

чай, чтобы успокоить нервы. Следующим дёргал шеф, перед операцией предварительно отглотнув из моей бутылки приличную дозу для храбрости. Но и он весь измучился, не меньше меня самого.

– Не хочет вылезать, гад такой, крепко засел. Надо прямо за десну цеплять, а то опять обломится.

– Дайте-ка я, костоломы, такого пустяка сделать не можете, – вызвался Климакс. Он уперся ногой мне в грудь и шатал зуб во все стороны. У меня уже кровь ручьем хлестала изо рта, даже орать не мог, был на грани потери сознания от боли. Но второй штурман проявил садистское упорство и выдернул- таки этот зуб. Мне показалось, что Клим Аксёнович вырвал у меня не только этот больной, а сразу все зубы на правой стороне нижней челюсти, а вместе с ними и язык, и всякие гланды с аденоидами. Ахая и мыча я кое-как допил содержимое бутылки.

– Всё, спасибо! Теперь валите все на хрен, я привык умирать в одиночку...

Эх, жизнь моя моряцкая. Неужели ты взаправду была у меня? Или ты просто часто стала сниться под старость лет? Вернуть бы то золотое времечко, да пожить бы хоть с недельку снова молодым, полным сил и добрых надежд...

2. Ностальгия

«Счастье не действительность, а только воспоминание: счастливыми кажутся нам наши минувшие годы, когда мы могли жить лучше, чем жилось, и жилось лучше, чем живётся в минуту воспоминаний». (Василий Ключевский).

Закончился очередной трамповый рейс (без определённого расписания, по перевозке попутных грузов). Тогда в середине зимы пароход уходил в первый порт назначения, Йокогаму. Дальше ничего известно не было. После Японии были заходы в страны Юго-Восточной Азии. В свой родной порт Владивосток сухогруз вернулся лишь в начале июня. Рейс получился почти пять месяцев.

На причале возле трапа всех моряков встречали родные и близкие. Долгожданная встреча, обнимания-целования со слезами радости. Павел наблюдал за этой трогательной картиной с крыла мостика. Встречать его было некому. Все родные: мама, папа, старшая сестра и бабушка, а также многочисленные дяди, тёти, кузены и кузины – все жили в далеком городе Горьком, что стоит на слиянии Волги-матушки с её сестричкой Окой.

Вон забавная девчушка с огромным бантом на голове от нетерпения быть взятой на руки, чтобы обнять за шею своего папку, дёргает его за штанину. Это старший помощ-

ник капитана, Олег. Но молодая мама никак не может оторваться от крепкого поцелуя мужа. Бедная дочурка уже готова заплакать от такого невнимания со стороны её самого родного, близкого и долгожданного мужчины.

А вон нарядно одетый шестиклассник, держащей в руках огромный букет цветов, с радостной улыбкой во всё лицо тоже терпеливо дожидается своей очереди пожать мужскую руку и обнять родного отца, второго механика.

Через сорок минут от причала уже отъезжала последняя машина такси, увозившая в родной дом прибывшего из дальних странствий моряка, багажник которой был битком набит первой партией заграничных покупок. У Павла комок к горлу подступал от такого наблюдения за счастьем друзей по команде.

– Ну что, насмотрелся? Я на такое стараюсь не глядеть. Слеза, зараза, прошибает, – подошел к нему Витёк, третий механик, ровесник Павла. – Мне даже сон как-то приснился, будто наш пароход пришвартовался к речному причалу моей родной Рязани. Вся родня встречала, даже мой дед, Иван Тихонович, который давно умер. Обнимаю Наташку, сеструху младшую, слёзы глаза застилают, а у самого мысль мозги сверлит. Как это, думаю, мы по Оке-то с такой осадкой умудрились пройти? У нас же высота борта в два раза выше дебаркадера. Нет, думаю, что-то здесь не так. Проснулся, вспомнил, что мы только вчера из Манилы вышли, и чуть было слезу не пустил, как девушка. Скоро два года, как дома

не был, соскучился. А ты сколько?

– Да и я столько же. Когда из Таунсвилла выходили, ровно два года исполнилось. Не могу больше, сейчас же в кадры пойду. Если в отпуск не отпустят, уволюсь на хрен, – высказал своё похожее состояние Павел.

– Ага, верю. Себе-то хоть не ври... уволится он. Говорят, это последний рейс у нас будет. У железяки всё днище ракушками обросло. Видал, как сюда чапали? Из-за этого даже семнадцати узлов не могли выжать. В Совгаванском доке чистить планируют. Вот тогда уж точно всех отпустят. Последний-то рейс как-нибудь вытерпим. Я сегодня ещё и за Валерку, второго механика, вахту тащить буду. Видал какой букет ему сынуля вручил? После восьми вечера получаю полную фридом до завтрашнего обеда. Везет вам, радистам, на стоянках вахту не несёте. Пойдём вечером в кабаке посидим. Может, девах каких снимем, – предложил третий механик, холостой весельчак и кутила.

– Мы ещё вчера с Толиком, вторым штурманом, насчёт кабака договорились. Он наш третий брат по несчастью, из Ярославля. Тоже за Олега на вахте до шестнадцати торчать будет.

– Пошли тогда к Толяну, обсудим это мероприятие.

– Некогда, Витёк, сходи сам. А чего там обсуждать-то? Собрались да пошли. Мне за эти четыре дня погрузки надо успеть на главпочтамте все покупки авиа посылками домой отправить. Скоро нас на угольный терминал перетаскивать

будут, а оттуда очень далеко по угольной пыли до проходной шлёпать. Пожалуй, прямо сейчас и побегу. Может, ходки три-четыре до вечера успею сделать. На почте очередь, наверное, как всегда. Посылки долго зашивают, а у меня только одной тряпчи посылки на восемь. Давай тогда, до вечера...

Все четыре дня у Павла пролетели, как один. С самого утра с больной головой после вечерних расслаблений, без которых праздник окончания рейса был бы уже не праздник, ему приходилось до обеда отправлять на почте многочисленные посылки в Горький. Очередная медкомиссия с целым набором всяких прививок в заднее место, ругань в отделе кадров, беготня по многокилометровой территории порта по всем конторам, получение пополнения ЗИПа, переписывание навигационных извещений и предупреждений по районам Юго-Восточной Азии и Тихого океана, чтобы не запрашивать их в море.

Пароход вышел в рейс с углем для выгрузки в японском порту Кобе. Затем с контейнерами в порт Ванкувер, под погрузку зерна для Кубы. Дальше ничего не было известно,

«Вот и повидали родные берега. Словно сон хороший увидел. Если прикинуть, то рейс тоже будет не меньше четырех месяцев. Значит, дома будем не раньше середины осени. Теплоход перевозит шестнадцать тысяч тонн зерна. Это, примерно, два состава поездов по сто пятнадцать вагонов в каждом. Интересно, сколько в пересчёте буханок хлеба мы повезем кубинцам? – прикидывал в уме Павел, упражняясь

в арифметике. — Хотя Гавана — это просто перевалочная база».

Если до Японии моряки ещё как-то общались друг с другом, вспоминая и пересказывая по несколько раз события этих четырёх дней береговой жизни, то по выходу в Тихий после вахт каждый уже сидел в своей каюте наедине с грустными мыслями и тоской по родному дому. Общение проходило в основном по делам службы. Пустая болтовня стала даже раздражать, все искали уединения. Паша в который раз перечитывал свои девять писем, что получил на главпочтамте в окне до востребования, хотя уже знал их почти назубок.

«Дорогой сынок, как ты там, милый? Мы все по тебе скучаем. Вчера папа в фотоателье сделал цветной и увеличил твою фотографию, на которой ты в морской форме. Я повесила её над кроватью у себя в изголовье. Надо было сделать их несколько. Бабушка обиделась на меня, хотела повесить её у себя в комнате, рядом с иконкой...

«Всё, перекур, потекли, заразы. Что ж я таким слабым-то стал? Закрыться, разве, а то зайдет кто-нибудь, увидят», — стесняясь красноты своих глаз, рассудил Павел.

«...Месяц назад у Тани с Сашей была свадьба. Вчера Саше присвоили звание капитана. Через неделю они уезжают жить в подмосковье, в военный городок поселка Видное. Его направляют туда служить. Вот и останемся мы с папой одни...»

«Кажется шторм начинается. Тьфу, невезуха! Надо схо-

дить в радиорубку, принять свежую карту погоды», – ворчал про себя Паша.

К вечеру третьего дня хода по Тихому океану шторм достиг одиннадцати баллов по шкале Бофорта – жестокий шторм с высотой волны до шестнадцати метров. Павел смотрел в лобовой иллюминатор, вцепившись пальцами в его раму, широко расставив ноги. «Мамочки родные, спаси и сохрани нас, Господи», – бормотал он себе под нос.

Волна резко поднимала пароход, разворачивая его на некоторый угол, сбивая с курса и швыряя, как какую-то щепку под большим креном и дифферентом в бурлящую пучину. Скатываясь с гребня волны, судно занывало носом в океан, а винт на корме вхолостую работал в воздухе, как пропеллер, вибрируя корпус с частотой звука. Паша наблюдал, как изгибался в разные стороны длинный корпус парохода. Контейнера на крышках трюмов ходили ходунном, жутко скрипя железом. Через некоторое время волна с такой же скоростью выталкивала судно вместе с Пашкой чуть ли не вертикально вверх, и он снова видел грязное злое небо.

«...Есть ещё радостная новость, мы купили машину „Запорожец“. Такая хорошенькая, синего цвета, с ушками. Маленькая для моей комплекции, но бегают шустро. Теперь в сад на ней ездим. Сейчас в саду всё в цвету. Такая радость, если б ты видел. Красота...»

– Ты чего, Витёк? Укачало? Ну и видок у тебя, – зашёл

к Павлу третий механик.

– Слушай, Пашк, дай бутылку водки до Ванкувера. Такая тоска обуяла, блин, впору хоть за борт.

– У самого состояние не лучше. Тоже бы нажрался с удовольствием, да на вахту через два часа. На, конечно, не вопрос. Только уж совсем-то не расслабляйся, вон штормяга какой.

– Наплевать, мне сейчас главное свой душевный шторм успокоить. Всё будет ОК!

«...Спасибо тебе за подарки. Из материи, что ты прислал, пошили всем платьев и костюмов. Твоя тётка Шура связала из мохера всем кофты, джемпера и свитеры. Из джинсовой ткани молодёжь нашили себе джинсов и курток. Ребятня на радостях уже всю жвачку изжевали. Гошка последнюю жвачку целую неделю изо рта не вынимал. Конечно, где они видывали такое. Гудрон – вот и вся их жвачка была. А из-за твоего журнала с голыми девками у нас с отцом одни скандалы были. Он всё ругался, кричал, чтоб духу его в доме не было. А тут сосед с четвертого этажа пришёл, пронюхал как-то, попросил продать за двести рублей. Ну я и продала от греха подальше. Ты уж больше такие журналы не присылай, срам же один. Здесь весь двор уже знает, что ты у нас моряк, почтальонша раструбила. Конечно, вон сколько она нам твоих телеграмм приносит. Мы с папой купили карту мира, на которой отмечаем точки на городах, в которых ты бывал, и соединяем их линиями шариковой ручкой. Вся карта уже

исчеркана, живого места не осталось...»

«Вот гадство, не уснуть никак. Шторм ещё как назло, – крутился с боку на бок Паша. – Сходить, разве, на мостик, мозги развеять. Там сейчас Олег с Петрухой рулят. Всё равно не усну»...

– О-о, Паша! Не спится? Чай, кофе? Вода в кофеварке ещё не остыла.

– Да, что-то никак. Крутился, крутился – бестолку. Вроде стихает помаленьку.

– Всё уж, последние издыхания, считай. К обеду полный штиль будет. Я всё вон за тот красный контейнер переживаю, на третьем трюме. Вон, верхний справа. Видишь, как его раскорячило? Надо утром боцману сказать, чтобы хоть тросами стянул. До Канады ещё шлёпать да шлёпать. Чего хоть в эфире-то слышно, какие новости?

– Ничего не слышать, глухо, как в танке. Один треск на всех диапазонах из-за атмосферных помех. Вчера закрытие Олимпиады в Москве было. Поймал на семнадцать мегагерц Льва Лещенко, про Олимпийского Мишку пел. Слышно еле-еле, другие радиостанции забивают, самого вестибюлярка мучает, а я соплю, как дурак, глотаю. Скажи мне раньше кто-нибудь, что я от Лещенко слезу умиления пушу, не поверил бы.

– Э-э, брат, это ностальгия. Болезнь есть такая – тоска по Родине. Она может и всю душу наизнанку вывернуть. Сейчас-то как раз все ей и болеют. Вон и Петруха, наверня-

ка, только о доме думает. Эй, Пуля, ты о чём сейчас думаешь в темноте? Не уснул ещё там?

– Уснёшь тут, стоя-то. Скорее бы шторм кончился, авторуль бы включили. Хоть на диванчике посидеть, ноги уже устали, – жаловался молодой матрос-рулевой, прибывший на это судно в прошлом австралийском рейсе. Получил кличку Пуля за добровольное согласие быть гонцом-золотые пятки. Когда в обществе назревала какая-либо пьянка, он тут как тут, «Давайте я сбегая, я пулей. Только у меня грошей нема». Родом из под Харькова, после трёхлетней службы во флоте остался работать на Дальнем Востоке.

– А о своей Украине ты думаешь? Домой-то хочется? – подтрунивал его Олег.

– А то! У нас там сейчас самый напряг. Батя пишет, картошка хорошо уродилась. Ему через две недели полтинник стукнет. Горилки нагнал, говорит, двадцать пять литров семидесяти градусной, хряка колоть собирается. Вся деревня, четырнадцать домов, никого трезвого не будет. Старшая сеструха второго хлопца родила. Груздь в лесу, наверное, пошёл. Эх, в баньке бы попариться, по-чёрному. Почти полгода дома не был, – разошёлся Петруха.

– Ну, заканючил уже. Полгода... Пашка вон третий год без отпуска, и то ничего.

– Ага, ничего себе, ничего. Реву, как корова, по каждому пустяку. Тут как-то крысёнка на палубе поймал, даже пожалел за борт выкинуть, у него тоже мамка есть. Тебе хорошо,

недавно дома побывал. Наблюдал здесь с крыла, как тебя же-на с дочуркой встречали. Сколько ей?

– Шестой пошёл. Эх, Пашка, это всё показуха одна. Изменяет она мне, и давно. Или рогов у меня не видишь? А уж любовничка-то себе нашла – на десять лет меня старше. Плешивый уже, как Плешнер. Главбухом у них там, крыса канцелярская.

– Дык чего же ты? Настучал бы ему по плечи-то, – возмутился Пуля.

– А ему-то за что? Он же её не принуждал, не насиловал. Это ей бы надо. Только ради Надюшки и не развожусь, а то и видеться с ней не дадут. Будете жениться, лучше сразу море бросайте. Ни одна баба долго ждать не будет.

– Сие счастье мне тоже знакомо. Нормальная девчонка, и всё хорошо у нас с ней было, – заикнулся было Пуля рассказать свою похожую историю.

– Ну, сравнил. Девчонок вон сколько, а дочка одна на всю жизнь. Даже и домой теперь возвращаться не хочется. А мать с отцом я уже больше пяти лет не видел. Я ж родом с Байкала. Эх, через час вахту сдам и последнюю бутылку водки откупорю...

= ДОРОГИЕ МАМА ПАПА БАБУШКА МЕНЯ ВСЕ ХОРОШО ИДЕМ ВАНКУВЕРА СЪЕНФУЭГОС ЗАХОДОМ КРИСТОБАЛЬ ПАНАМСКОМ КАНАЛЕ МЕНЯ НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ БЕРЕГИТЕ СЕБЯ ОЧЕНЬ СКУЧАЮ ЦЕЛЮЮ ПАШКА=

«... Привет моряку-дальневосточнику! Пишет тебе твой брательник, Гошка. Я закончил седьмой класс с одной тройкой по биологии. После школы хочу тоже поступать в мореходку на радиста, как ты. Только мамка ругается, говорит, что не отпустит, а я всё равно уеду. Спасибо тебе за пласты Юрай Хип, Лед Зеппелин и Дип Пёрпл. А пласты с Бони-М и Джо Дассеном у меня сеструха отняла. Сказала, что ты их прислал для неё. Так нагло врет, главное. В следующий раз пришли мне, пожалуйста, концерт группы Пинк Флойд. А джинсы присылай только фирмы Леви Страус, а сеструха просит юбку Монтана.

Не хотел тебе говорить, но, думаю, что лучше тебе знать правду. Твоя Лариска, с которой ты гулял в последний раз, тебе изменяет с твоим другом. Я забыл, как его зовут, вы с ним ещё вместе с городского трамплина прыгали. Я сам видел, как они в подъезде целовались. Приезжай скорее, я очень соскучился. А когда приедешь, дашь мне на твоём мотоцикле покататься? Привет от мамки и Маринки. Целую, твой брательник, Гошка...»

«...Продолжаю своё письмо. Вторую неделю стоим на рейде порта Мария Ла Горда в ожидании причала. Спускаем шлюп и ездим по очереди на острова. Жара страшная, загорел, как негра. Ныряем за кораллами, вода очень чистая, дно видно. Но такая солёная, что я даже глубоко нырнуть не могу – выталкивает. Все увлеклись нырянием за караколлами – ракушки такие, большие, с футбольный мяч. Жаль

маски нет, от солёной воды у всех глаза красные. Внутри ракушки живёт слизняк, и его никак из неё не выковырять. Додумались поддевать его кончиком за рыболовный крючок и подвешивать. Через пару дней под весом тяжести он сам вылезает, как бычий язык. Из-за этого везде вонища страшная. Гниёт этот слизняк, что ли? Весь пароход провонял. Я поймал зыбкой большую рыбину, больше нашей шуки, прилипла называется. Приляпал себе на грудь и еле отодрал. Потом синяк на груди остался, как от банок, что ты мне, (помнишь, мама?), в детстве от простуды ставила. В общем, разгоняем тоску. Так домой хочется, хоть бы на денёк...»

«...Мы все здоровы, работаем. Папа зимой получил КА-МАЗ, работает в карьере, возит глину на кирпичный завод. А в апреле с ним беда приключилась. Грязища была, он забуксовал, да ещё и колесо заднее проколол. Стал менять и надорвался. Делали операцию паховой грыжи. Сейчас всё хорошо, бабушка только беспокоит. Недослышивает, один глаз ослеп совсем, вторым тоже еле-еле видит. Забываться стала. Бывает, что и меня не узнает...»

= ДОРОГИЕ МОИ ИДЕМ МОНРЕАЛЯ БАРСЕЛОНУ
МЕНЯ ВСЁ ХОРОШО ОЧЕНЬ СКУЧАЮ ЦЕЛУЮ ПАШ-
КА =

– Чего, Витёк, опять ностальгия? Завтра в Чивитавекью приходим, это всего километров шестьдесят от Рима. Поедешь Рим посмотреть? Может, самого понтифика, Папу Римского в Ватикане увидим.

– Плевать я хотел на все эти Римы с Колизеями, домой хочу. У тебя выпить есть чего? Нажрусь лучше, нервы успокою.

– Поехали, дурак, хоть развеемся маленько. Когда ещё в Риме-то побываешь? Есть у меня пузырь кубинского рома, отцу хотел подарить.

– Куплю я тебе в городе этого кубинского, не дай сдохнуть от ностальгической тоски. Всё письма перечитываю. Юлька, сестра средняя, забрюхатила от курсанта какого-то, только вот успела школу окончить. Влюбилась, дурёха, а он воспользовался, гадёныш. Беспокоюсь очень за маму. Одна она, а нас четверо, отец пять лет как умер. Увольняться надо хватит, наморячился.

– Ты давай держись, друган, немного осталось, скоро домой. На, держи, раз такое дело. А может, поедешь?

– Не-е, не поеду. Знаешь, такое состояние, что хочется зашхериться куда-нибудь и вылезти уже дома. Ладно, всё будет ОК, спасибо!

= ПАВЕЛ УМЕРЛА БАБУШКА ПОХОРОНЫ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ СИЛЬНО СКУЧАЕМ ЦЕЛУЕМ МАМА ПАПА =

Пашка сам себе на ночной вахте принял эту радиограмму. Даже записывать не стал, просто прослушал и дал подтверждение о приеме. «Удивительно, даже слезинки из себя не выдавил. Наверное, уже был готов. Двух месяцев до восьмидесяти четырех не дожила. Пирожки с капустой вкусные пекла, – стал горестно вспоминать свою бабушку Павел. –

Какие сказки интересные рассказывала, в детский садик во-дила»...

«...А друзья твои тоже все поразъехались кто куда. Санька Федотов после военного училища служит где-то на границе с Афганистаном. Генка Волошин уехал строить БАМ. О Ларисе ничего не знаю. Пару раз забегала, как ты уехал, а теперь давно не заходит. Недавно встретила Ольгу Голубину, с которой ты в балете занимался. Красавицей неписаной стала, учительницей литературы в школе работает. Всё про тебя расспрашивала, просила передать тебе большой привет...»

= ДОРОГИЕ МАМА ПАПА МЕНЯ ВСЕ ХОРОШО
ИДЕМ БЕЙРУТА ЛАТАКИЮ ДАЛЬШЕ НЕИЗВЕСТНО
ОЧЕНЬ СКУЧАЮ КРЕПКО ОБНИМАЮ ЦЕЛЮЮ ПАШ-
КА =

– Алло, Витька, лети ко мне в каюту быстрее, дело есть..
Садись, давай выпьем.

– Что за повод? Я в завязке до Владивостока, сам себе слово дал.

– Ну тогда посиди со мной просто. Я радиogramму получил, разглашать не имею права. Если проболтаешься, у меня неприятности будут.

– Могила! Я когда-нибудь тебя подводил? Чего там? Не томи.

– После Сирии в Одессу идём. Там нас с тобой замена будет ждать.

– Братан, вот уж спасибо тебе за такую добрую вестъ. А я

уж с ума сходить начал, впору хоть пешком через Дарданеллы с Босфором домой шлёпать. Ну тогда наливай, за такую радостную весть грех не выпить...

**=ДОРОГИЕ МОИ КОНЦЕ ОКТЯБРЯ ПРИХОДИМ
ОДЕССУ ДАЮТ ЗАМЕНУ ЕДУ ДОМОЙ ОТПУСК СРО-
КОМ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ЖДИТЕ БУДУ ВЫЕЗЖАТЬ СО-
ОБЩУ ЦЕЛУЮ ПАШКА=**

Эти четыре месяца пролетят у Пашки, как четыре дня. Снова позовет его море, и снова будет болеть у него душа по родному дому. Но пройдёт время, и захочет он уже любоваться не красивыми экзотическими берегами с моря, а наоборот, любоваться на море с берега. Но это будет уже другая ностальгия...

3. Рубить концы

Закончился очередной рейс. Поздно вечером судно, гружённое зерном под завязку, стало на якорь на внешнем рейде порта Владивосток. Уже через час с катеров поднялись на борт пограницы и санитарно-карантинная служба. Таможенники прибыли только ближе к полуночи и шерстили до самого утра, да так тщательно, будто доподлинно знали, что на борту имелась контрабанда.

Давно это было. Прошло уже несколько лет, как Джими Картер сменил Джеральда Форда на посту президента США. Один бакс стоил тогда всего семьдесят шесть копеек, а за рубль давали три сингапурских доллара. В Союзе пузырь водки «Экстра» стоил всего четыре шестьдесят две, а докторская колбаса по два двадцать даже пахла так, что у обожравшегося кота Васьки слюнки текли.

И без того до подхода больше суток не спал, да ещё эта таможня всю ночь покоя не давала. Только отошёл от борта последний рейдовый катер, не раздеваясь брыкнулся на диван и сразу отрубился. Даже не слышал, как судно пришвартовалось к зерновому терминалу.

– Вовка, хорэ харьку щемить, всё счастье проспишь. Половина толпы уже в город слиняла, только вахта осталась. На вот, держи, новая спецификация по экипажу, – зашёл в каюту Витёк, третий помощник капитана, мой ровесник. –

Судовая роль увеличилась на один организм. Наше семейство стало численностью аж в двадцать три рыла, должность дневальной перестала быть вакантной. Какая-то Татьяна Волошина. Слушай, мне навигационные предупреждения нужны, у тебя уже восемь штук пропущено.

– Будут тебе и предупреждения и извещения. Ещё выгрузка не началась, впереди целых четыре дня стоянки, успею, – буркнул я, нехотя поднимаясь. – А сколько хоть время?

– Скоро девять. Кэп тоже на берег собирается, к нему жена с дочерью приехали. Партийный комиссар самым первым укатил. Так что пора нам готовиться к иксчейнджу – я тебе твои полтора килограмма мохера, а ты мне мои пласты. За тобой Пинк Флойд и Тройник Цепилинов.

– Перепутал, у меня твой Дип Пёрпл, Смоки и Роллинг Стоун, а Лед Зеппелин ты Толяну отдал, у него спрашивай. Ну чё, как у тебя с порнографическим журналом прошло, нормально?

– Не-а, в последний момент что-то зассал, за борт выкинул. Не хватало ещё из-за каких-то голых баб визы лишиться. А ты свой бангкокский нож провёз? Куда хоть запрятал?

– Такая же фигня. Крутился-вертелся, не зная куда заныкать, да так и булькнул в залив Посъета. Жалко до слёз, с выкидным лезвием был. Такой изящный, в ладонь как влитой ложился. Словно задом чуял – видал, как нас таможня шмонала. Такие ищейки обязательно бы нашли. Здесь уже не визой, а сразу тюрьмой пахнет.

На этот пароход я пришёл сразу после отпуска. Целых четыре месяца отдыхал дома у родителей. Школьные друзья после окончания институтов тоже все поразъехались в разные края. Через месяц я уже заскучал. Мама сразу это заметила и подговорила Маринку, мою двоюродную сестру, студентку третьего курса пединститута, познакомить меня с какой-нибудь своей подругой, после чего моя береговая жизнь сразу забурлила. Но почему-то ни одна из этих девчонок мне особо не нравилась. Я мечтал повстречать скромную, умную и душевную девушку. Такую, которая бы уважала старших, любила детей, была в меру симпатичной и могла бы стать мне верной женой. А эти, я как-то чувствовал, были обыкновенными вертихвостками с единственным желанием сходиться куда-нибудь на танцы подрываться, посидеть в кафешке с бокалом шампанского. Все разговоры велись лишь о модных шмотках и закордонных тряпках.

Это был мой второй пятимесячный рейс на судне после отпуска. Как-то быстро подружился с Виктором и Анатолием, третьим и вторым помощниками капитана. Виктор родом из Петрозаводска, после армии окончил ленинградскую мореходку, на этом судне проработал около полутора лет. Толик, грузовой помощник, на два года постарше нас, жил во Владике, оканчивал местную высшую мореходку. Ему оставалось сделать последний рейс, после чего планировался отпуск, во время которого ему светило повышение. Капитан подал на него рекомендацию в старшие помощники.

Мы, трое молодых холостяков, на стоянках таскались по кабакам, снимая легкодоступных дам, глаз на которых у каждого уже было хорошо намётан. На судне жили в соседних каютах на верхней палубе, рядом со штурманской и радиорубкой. Нам нравилось, проснулся – и уже на работе.

Во Владике мы с Витюхой снимали маленькую комнату у родной тётки Толика. Та овдовела четыре года назад, жила одна в двухкомнатной квартире на Второй Речке. Два года как вышла на пенсию, но ещё продолжала работать, преподавала литературу в школе. И ей выгода – лишние деньги, и нам было где хранить своё заграничное шмотьё, которое за время стоянок не успевали отправить посылками домой. А это шмотьё быстро накапливалось с каждым рейсом у обоих.

По таможенным нормам за один рейс, к примеру, разрешалось провозить всего полтора килограмма мохера, килограмм жвачки, одну пару джинсов и прочее.

Зарплата у моряков загранзаплыва и без того была не хилая, плюс тридцать процентов за отдалённость от столицы, плюс двадцать два процента от зарплаты в валюте, плюс бесплатное четырёхразовое питание на убой. Эти таможенные нормы были придуманы специально, чтобы по материальному благосостоянию мы не сильно вырывались вперёд от основного советского народа.

Синтетические ткани, типа кримплена и трикотина, ткани из натурального шёлка, типа крепдешина и гипюра, на кото-

рые в Союзе в те времена был особый спрос, разрешалось провозить не более пятнадцати метров разрезами по пять метров. Такая тряпча в Сингапуре и Гонконге стоила сущие копейки, и рейсы с заходами в эти порты считались самым лакомым куском, особенно для тех, кто занимался фарцой. Для одесситов, ленинградцев и мурманчан таким лакомым куском были Канары, порты Лас-Пальмас и Санта-Крус, где цены на эту тряпчу были соизмеримы с нашими дальнево-сточными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.